

ДЬЯВОЛЬСКОЕ НАВАЖДЕНИЕ

Одно лето я жил на Волге, в деревне у покойного Н. А. Некрасова, верстах в двенадцати от Ярославля. Большую часть времени мы проводили на охоте. Места в той стороне живописные и для охоты необыкновенные. Покойный Николай Алексеевич был страстный охотник и отличный стрелок. На охоте он не знал усталости. Случалось так, что мы выходили на восходе солнца и возвращались домой около полуночи. Обыкновенно хмурый и задумчивый, на охоте он был неузнаваем: живой, веселый, разговорчивый, с мужиками ласковый и добродушный. Мужики его очень любили. Про собаку его, Оскара (я никогда не видывал такого умного пса) ходили слухи, что она прислана каким-то королем "значительному в Петербурге генералу", что тот подарил ее Некрасову и назначил ей по смерти семьсот рублей пенсию.

Охотились мы по обеим сторонам Волги и оставляли дом иногда дней на десять, переночевывая в разных селах и деревнях. Кроме весьма удобного, приспособленного к охоте, тарантаса, с нами шла верховая арабская лошадь.

Приезд наш в какую-либо деревню для ночлега для мужиков был праздник.

В избе толпа. Кто разбирает вещи, кто любит ружьями, а кто, по бывшим примерам, ожидает угощения.

- Давно уж, сударь, в наших местах не бывали, - заговорил кто-то из толпы. - Дичи у нас теперь такая сила, что кажется...

Выступил вперед Можжуха, мужик-охотник, постоянно сопровождавший Некрасова на охоте. Лицо его было завязано тряпицей.

- Что это у тебя лик-то перекошило?

- Все это моя охота, сударь, Миколай Алексеевич! Все она! Пополз я третьеводни в окошу... в заводинке утки сидели. Выполз, почитай, на самую наружу - сидят. Думаю: подожду маленько - пуцай скучатся. Ждал, ждал, да, признаться, надоело... Приложился - бух! Индо перевернулся!

- Заряд велик положил?

- Не мерял, только много. Мне влетело, но уж и уткам я уважение сделал... Как горох посыпались... Подбирал, подбираю...

- А куда мы завтра пойдем?

- Спервоначалу, Миколай Алексеевич, на озеро. Там теперича этого бекасу!.. А опосля тетереьев...

- Куда?

- Туда, сударь, к Чудинову, где в запрошлом году ваншлепов били. Там охота расчудесная!.. Становой только там маленько балует, да он ведь стрелять не умеет, на нашу долю много еще осталось.

- Становой теперича не ходит, - заметил один мужик.

- Видел его, - возразил Можжуха.

- Мы верно знаем, что не ходит: он своей собаке зад отшиб.

- За что?

- Не можем знать. Из первого ствола по птице ударил, а из левого по ей. Собака ихняя не действует, это верно.

- Ну, что ж, братцы, четверти-то, пожалуй, вам мало будет?

- Много довольны, сударь!-- отозвался один мужик. - Бабы не пьют, а нам хватит.

- А полведерочка ежели пожалуете, ваше благородие, - заискивающим тоном вмешался другой, - так и очень даже... за ваше здоровьице... Может, и бабы которые пригубят. Есть тоже баловницы-то...

- Ну, ступай, пейте.

Рано утром мы были на озере. Действительно всякой дичи оказалось многое множество. Закат солнца застал нас в Чужиновском лесу. Тьма, тишина, благоухание соснового леса и только что скошенной травы!

- Тут мы и жить будем! - воскликнул Некрасов,-- разводи огонь.

Затрещал костер. Один мужик разыскал тарантас и поставил его на просеке. Сладили из ветвей большой шалаш. Из тарантаса принесли самовар и ужин.

Как обыкновенно бывает, темнота располагает человека к разговору о страшных происшествиях, о таинственном; так и теперь это случилось.

- Поди ж ты вот, - заговорил Можжуха,-- в канпании ежели в лесу - ничего; один ежели - жутко.

- Чертей, что ли, боишься?

- Что их бояться-то; мы их видали. У нас в селе свой есть.

- Как свой?

- А старшина наш Иван Петров - черт как есть. Рога ежели ему приставить - так точно и будет.

- Строгий человек?

- Черт - одно слово.

- Теснит?

- Не дай бог!

- А что, сударь, осмелюсь я вам доложить, - начал один очень скромный мужичок, - я снова видел его явственно.

- Страшный?

- Спервоначалу-то я не понял, опосля уж это мне...

- Видел ты! - возразил Можжуха. - Видеть его невозможно. Вот в Алешине колдун, кажется уж...

- Да он не взаправду колдун.

- Он-то? Настоящий! Он у нас в селе семь душ испортил. Петровна-то у него в ногах валялась, чтоб снял. Потерпи, говорит. Меня, говорит, он самого давно не посещал; как посетит, в те поры сниму. Ребята спрашивали: как он есть такой? Я, говорят, сам его никогда не вижу, а мне, говорит, приказано.

- Ну, а ты как же его видел?

- Батюшка-упокойник бил меня очень, чтобы я в Москву шел, а я в те поры только год женимши был, детенок у меня родился - очень мне не желалось, а он бьет. Тятенька, говорю, помилосердуй. За что ты меня бьешь? Схватил за волосы, трепал, трепал... Жена взвыла. Тятенька, кричит, руки на себя наложу, коли ты мужа бить будешь. Терпел я, терпел - невмоготу стало, думаю: утоплюсь. И сейчас мне легче стало. Жена, все одно, хоть бы ее не было; на детенка посмотрел - словно бы он не мой. Только одно в уме содержу: утоплюсь. И такая мне радость, только и жду, поскорей бы ночь пришла, что уж не жить мне. Поужинали. Батюшка запер калитку, опять в избу пошел, а я в сарае лег. Встал ночью, вышел на двор, смотрю - калитка маленько отворена. Что за оказия! Сам видел, как батюшка запирает. Пришел на реку, снял сапоги, перекрестился, а мимо меня словно пролетело что... черное.

- Что значит крест-то! - многодумно заметил один мужик.

- Дрожь меня прохватила, очень детенка стало жалко.

- Он тебе, значит, и калитку-то отворил...

- Как домой оборотил, не помню. Через три года батюшку господь прибрал. Теперь ты меня обложи золотом - на реку ночью один не пойду.

- Ну, а вот которые не крещеные?..

- Заговор, может, какой есть... Долго на эту тему продолжалась беседа.

Примечания

Артист, писатель Иван Федорович Горбунов (1831--1895) познакомился с Некрасовым в конце 50-х годов. А. В. Никитенко, перечисляя присутствовавших 2 января 1859 года на литературном обеде у Некрасова в честь выхода очередной книжки "Современника", писал: "Были почти все наши наличные известности: Панаев, Полонский, Чернышевский, Гончаров. Тургенев и т. д. <...>

Горбунов читал свои драматические сцены из народной жизни с обыкновенным искусством" (*Никитенко*, т. 2, стр. 53--54).

Некрасов и Горбунов встречались много раз и на литературных чтениях, и на приятельских ужинах, у общих друзей - А. М. Унковского, А. Н. Еракова. Современники отмечают, что Горбунов любил Некрасова, отвергал всякие измышления, дискредитировавшие поэта.

Во второй половине 60-х годов (точно год установить не удалось) Горбунов приезжал в Карабаху, где охотился, отдыхал вместе с Некрасовым.

П. Шереметьев, приятель Горбунова, рассказывал: "у него был целый ряд рассказов об охотах с поэтом". "Облавы на медведя, лосей, дорожные эпизоды, происшествия на привалах и ночевках, словом, целая вереница образов, сцен, шуток, разговоров..."

Однажды оба охотника стояли на лосином кругу. Загонщики уже стали приближаться к линии, а лосей все не было. Легко было предположить, что они вышли из круга.

Некрасов перестал ждать и громко крикнул с своего номера:

- А не приложиться ли к мадере?

Горбунов следует совету, но в эту минуту показывается лось. Он бросает фляжку, быстро вскидывает штуцер и стреляет навскидку, "как по бекасу".

Раздается выстрел... Лось падает... Подбегают... Лосиха!

В другой раз расположились на привале. Горбунов, как знаток дела, возился около закуски. Охотники стали торопить, и кто-то крикнул:

- Ну, Ванюша, поскорее!

Один из окружавшей толпы, желая услужить, вставил от себя:

- Слышь, Ванька, поскорее, господа требуют.

И Горбунова долго с тех пор приводило в умиление это восклицание. А "господа" были Некрасов и адмирал К. К. Краббе" ("Сочинения" И. Ф. Горбунова, т. III, СПб. 1907, стр. 346).

Рассказ И. Ф. Горбунова "Дьявольское наваждение" написан был вскоре после смерти поэта. Впервые напечатан в газете "Новое время" (1879, от 25 декабря).

Печатается по изданию: И. Ф. Горбунов, Сочинения, т. III, СПб. 1907, стр. 59--61.